

Н.А.АЛЕКСЕЕНКО

**ХЕРСОНСКАЯ РОДОВАЯ ЗНАТЬ X-XI вв. В ПАМЯТНИКАХ
СФРАГИСТИКИ**

Среди моливдовулов херсонской администрации экземпляры с указанием родовых имен владельцев встречаются достаточно редко. Как правило, они принадлежат стратигам Херсона. По византийским источникам, памятникам эпиграфики и сфрагистики известно несколько знатных семейств, представители которых в X-XI вв. возглавляли фемную администрацию в Херсоне. Письменные источники называют нам Петронау Каматира (1, р. 184[41-54]), Иоанна Вогу (2, п. 9, line 99-100) и Георгия Цулу (3, с. 354; 4, с. 464), памятники эпиграфики – Льва Алиата (5, с. 184-188), остальные известны по византийским печатям.

Двенадцать изданных моливдовулов знакомят нас с семью представителями византийской знати, среди которых по два экземпляра Георгия Протевоуна (6, с. 160-161, №№ 45,45а), Феодора Катасах...(Катафлора?) (6, с. 163, №№ 51,51а), Димитрия Кфар... (Кафара?) (6, с. 163-164, №№ 53,53а), Никифора Иасита (6, с.165-166, №№ 56,56а) и Георгия Цулы (6, с. 164-165, №№ 54,54а), а также по одному экземпляру Иоанна <Дуки> (6, с. 161-162, № 48) и Михаила Катафлора (7, р. 188, № 82.18). Указываемый Н.М.Богдановой Авраамий Каматир (8, с. 104), на наш взгляд, не имеет отношения к рассматриваемой группе византийской знати. Моливдовул, на который вслед за А.Ф.Вишняковой (9, с. 129) ссылается исследователь, во-первых, имеет плохо читаемую надпись, где с достаточной степенью осторожности можно восстановить названное имя и должность владельца, во-вторых, на нем не указано географическое название, что в свою очередь не позволяет рассматривать его как печать одного из представителей херсонской администрации. Исследование комплекса печатей предполагаемого Херсонского архива (10, р. 1814) позволило выявить еще четыре моливдовула, принадлежавших представителям византийской администрации Херсона, и несущих родовые имена своих хозяев. Как и известные ранее, новые находки также принадлежат стратигам Херсона. Владельцем одной из печатей являлся ранее известный Георгий Цула.

1. (Таблица 1.1). D. 26 mm; D. поля матрицы 21 mm; толщина 2 mm.

Аверс. Четырехстрочная надпись:	+ΓΕΟ[Ρ] ΓΙΟ ΒΑΣΙ ΛΙΚΟ ΑС Π[Α]ΘΑΡ	Γεο[ρ]– γίο βασι– λιχῶ (πρωτο)σ– π[α]θαρ(ίω)
Реверс. Четырехстрочная надпись:	ΚΕ СТΡΑ [Τ]ΗΓῶ ΧΕΡ [С]ΟΝΟСW [Τ]Ζ Υ ΛΑ	(χῆ) στρα– [τ]ηγῶ Χερ– [σ]όνος (τ)ῶ [Τ]ζούλα

<Господи, помоги> Георгию Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона.

На обеих сторонах печати изображения заключены в ободок из слившихся точек и присутствуют украшения в виде шарика между двух черточек (— • —), сверху и снизу надписи.

Аналогичная печать достаточно хорошо известна в научном мире. Впервые она была издана В.Юргевичем с ошибочным толкованием легенды (11, с. 5-10). И.И.Толстой вскоре переиздал этот моливдовул, дав верную расшифровку текста надписи (12, с. 16). В каталоге, изданном И.В.Соколовой, представлено два известных к настоящему времени экземпляра подобных печатей с указанием их принадлежности одной паре матриц (6, с. 164-165, №№ 54,54а). Таким образом, наша находка является третьей по счету печатью стратига Херсона Георгия Цулы. Сравнительный анализ изображений новой находки с ранее известными позволяет прийти к заключению, что все три моливдовула оттиснуты одной парой матриц. Очевидно, следует отметить присутствие в комплексе предполагаемого архива еще двух моливдовулов Георгия Цулы, на которых, к сожалению, владелец назван просто стратигом, без указания места службы. Такие печати Георгия Цулы также известны в литературе (6, табл. XX,в).

Выполненные в едином сфрагистическом стиле (двусторонняя надпись), одинаковые должность и ранг владельца, использование близкого по начертанию шрифта, все это является на наш взгляд не только свидетельством одновременности всех вышеперечисленных памятников, но и их безусловной принадлежности одному лицу. Как правило, печати подобного типа относятся к XI в. (Ср.: 13, р. 80-102, №№ 79-81, 83, 86, 92-93, 97, 101, 105). Этим же временем датируются исследователями и аналогичные херсонские печати (6, с. 163-166; 7, р. 186, № 82.11). И, надо полагать, нет никаких оснований сомневаться, что все названные печати относятся именно к стратигу Херсона Георгию Цуле, хорошо известному по византийским источникам в связи с восстанием херсонитов в 1016 году (3, р. 354; 4, р. 464) и датировать его печати, в том числе и наш экземпляр, необходимо временем близким к этим событиям. Новые находки его моливдовулов на территории херсонесского городища являются дополнительным свидетельством весьма активной деятельности этого сановника в Херсоне в самом начале XI столетия.

Три оставшихся моливдовула, как нам думается, представляют исключительный интерес и для истории Херсона, и для Византии в целом. Они не только являются уникальными в своем роде, ранее неизвестными памятниками византийской сфрагистики, но и обладают ценнейшей информацией и представляют тот редкий случай, когда владельца печати можно отождествить с реально существовавшим должностным лицом. Все три печати, на наш взгляд, принадлежат патрикию Михаилу Херсониту. Два моливдовула содержат достаточно полную информацию, на них в легенде указывается и титул, и должность, и место службы владельца.

2. (Таблица 1.2). D. 23 mm, D поля матрицы ок. 22 mm, толщина 1,2 mm.

Аверс. Погрудное изображение архангела Михаила анфас, держащего в правой руке жезл. Ободок по краю печати не сохранился.

В поле надпись двумя столбиками:

M	[X]A
I	[A]P

Μι[χα](ήλ) Ἄρχάγγελος).
 Архангел Михаил.

Реверс. В точечном ободке пятистрочная надпись, украшенная внизу изображением маленького крестика из четырех шариков, расположенного между двух черточек:

+MIXA	Μιχα(ἦλ)
[Π]ΑΤΡΙΚ	[π]ατριx(ίω)
[SC]ΤΡΑΤΗΓ	[(καὶ) στρατηγ(ῶ)]
[X]ΕΡCWN	[X]ερσῶν(ος)
TWX[E]ΡC	τῶ X[ε]ρσ(ονίτη)

Архангел Михаил, <помоги> Михаилу Херсониту, патрикию и стратигу Херсона.

3. (Таблица 1.3). D 23 mm, D поля матрицы ок. 22 mm, толщина 1,2 mm.

Аверс. В точечном ободке погрудное изображение архангела Михаила анфас, держащего в правой руке жезл.

В поле надпись двумя столбиками:

M	[X]A
I	[A]P

Μι[χα](ἦλ) Ἄρ(χάγγελος).
Архангел Михаил.

Реверс. В точечном ободке пятистрочная надпись, украшенная внизу изображением маленького крестика из четырех шариков, расположенного между черточек:

+M[IXA]	M[ιχα(ἦλ)]
ΠΑΤΡΙΚ	πατριx(ίω)
SCTPAΤΗΓ	(καὶ) στρατηγ(ῶ)
XEPСWN	Херсῶν(ος)
TWXEPС	τῶ Херс(ονίτη)

Архангел Михаил, <помоги> Михаилу Херсониту, патрикию и стратигу Херсона.

Обе печати детально очень близки, что не вызывает сомнения их происхождения от одной пары матриц. Различная сохранность обоих экземпляров позволяет достаточно точно реконструировать полный текст надписи на оборотной стороне, которая должна была бы выглядеть следующим образом: +MIXA PATRIK SCTPATHEΓ XEPСWN TW XEPС. Следует отметить, что среди известных херсонесских стратигов в ранге патрикия известны лишь два из них: Лев Алиат (5, с. 184-188) и Иоанн Вога (8, с. 105, 152 прим. 6). На моливдовулах византийской администрации Херсона такой титул встречен впервые.

Характерные особенности печати (изображение на лицевой стороне бюста архангела Михаила в сочетании с надписью его имени в столбик, использование аккуратного небольшого шрифта) свидетельствуют о необходимости отнесения наших находок к памятникам конца X – начала XI вв. (6, с. 85, 88). Близкую этому времени датировку, видимо, предполагает и присутствие на печатях родового имени. К сожалению, резчик матриц печати в связи с недостаточностью места представил родовое имя владельца лишь в сокращенной форме: XEPС. Вследствие этого предложенная нами расшифровка может вызвать ряд замечаний со стороны оппонентов и, безусловно, требует дополнительных данных, подтверждающих ее правомерность. Вне всякого сомнения, весьма сложно было бы сделать попытку восстановить родовое имя лишь по четырем начальным буквам, хотя и, как нам представляется, в достаточной мере красноречивым. Все-таки возможны различные варианты. И как нельзя кстати здесь нам на помощь приходит последний из этой группы моливдовулов, на котором это родовое имя передано практически полностью.

4. (Таблица 1.4). D. 24 mm, D поля матрицы ок. 22 mm, толщина 1,5 mm.

Аверс. В точечном ободке погрудное изображение архангела Михаила анфас. По кругу плохо сохранившаяся надпись:

[ΑΡΧΗΣΤΡΑΤΩΡ] ΤΩ ΣΟΔ (???)

[Ἀρχιστράτης(ηγε) β(οήθ)ει] τῷ σῶ δ(ούλῳ)

Или же возможен какой-либо подобный вариант обращения к божественной помощи.

Реверс. В точечном ободке пятистрочная надпись:

+KE BO	Κ(ύριε) βο-
ΗΘ ΜΗΧΑ	ήθ(ει) Μηχα-
[Η]Λ ΠΑΤΡ[Ι]	ήλ πατρ[ι]-
K TO XEP	κ(ῶ) τὸ Χερ-
CONI ..	σονί[τ(η)]

Господи, помоги Михаилу Херсониту, патрикию.

К сожалению, на последнем моливдовуле легенда дана без указания должности и места службы владельца. Вместе с тем появление этого памятника, на наш взгляд, исключает всякую двусмысленность в происхождении представленного на наших печатях родового имени, несомненно связанного с местной топонимикой (т.е. Херсоном). В византийской просопографии происхождение родовых имен от географических названий явление вполне обычное для семейств византийской аристократии (14, с. 185-196). Известны такие примеры и на памятниках сфрагистики (15, s. 127-172, n. 475, 604, 662; 16, с. 146, № 9). Таким образом, находка в Херсоне печатей Михаила Херсонита знакомит нас еще с одним, ранее неизвестным по византийским моливдовулам, представителем херсонской городской элиты.

Сфрагистический тип последнего моливдовула (объемный бюст архангела Михаила в сочетании с круговой надписью) и небольшой аккуратный шрифт свидетельствует о необходимости его датировки второй половиной X в. (6, с. 86-89). Характерная близость использованного шрифта на печатях Михаила, несмотря на присутствие отдельных различий в начертании надписей, выраженных в традиционном смещении ι и η, а также ο и ω говорит о хронологической близости всех трех памятников. В совпадении же личного и родового имен, а также титула владельца, на наш взгляд, следует видеть безусловное свидетельство принадлежности печатей одному человеку, имя которого благодаря редчайшему случаю сохранилось в анналах истории. Как уже не раз отмечалось, определить принадлежность моливдовула тому или иному историческому деятелю достаточно сложно. Печати, как правило, несут недостаточно информации о своих владельцах, да и сведения о них в других источниках зачастую лишь фрагментарны или же вовсе отсутствуют. Тем самым каждый новый случай успешного решения этой проблемы имеет важное значение в деле исследования истории византийского общества. Завесу таинственности о владельце наших печатей приоткрывают, сохранившиеся в "Relatio" сведения кремонского епископа Лиутпранда, посетившего столицу Византии с посольской миссией в 968 г., который говорит об участвовавшем в переговорах стратиге Коркиры (Керкиры) по имени Михаил Херсонит – "Michael nomine Chersonitis a loco scilicet Chersona" (17, s. 211). Упоминание Лиутпранда о Михаиле Херсоните как о человеке седовластом (не исключено, что во время посольства он уже был в преклонном возрасте),

несколько сужает хронологические рамки возможной датировки тех печатей, где он назван стратигом Херсона. Скорее всего, их следует отнести к последней четверти X в., не выходя за пределы столетия.

Моливдовул без указания должности, очевидно, можно рассматривать как личную печать владельца, возможно, относящуюся к периоду жизнедеятельности патрикия Михаила до назначения его стратигом в Херсон (может статься во время его пребывания на Коркире). В пользу такого предположения, в определенном смысле, свидетельствует более ранний тип лицевой стороны последней печати (бюст архангела Михаила в сочетании с круговой надписью). Думается, что существование каких-либо контактов находившегося далеко на западных границах империи патрикия Михаила со своими родичами в Херсоне или же с городскими властями может быть вполне обосновано. Не исключено, что этим связям мы и обязаны появлению в Херсоне его корреспонденции, от которой до нас дошла подвесная печать. Но одно все же бесспорно. Владелец наших моливдовулов вне всякого сомнения являлся знатным византийским сановником, принадлежавшим к чиновникам высшего класса – патрикиям. Свидетельство же Лиутпранда об участии Михаила Херсонита в переговорах и оценка его деятельности как ловкого и опасного политика и дипломата (17, s. 211-217), по-видимому, как нельзя лучше говорит об известности и популярности этого человека при дворе, несмотря на то, что он не был высокопоставленным столичным вельможей, а являлся лишь провинциальным стратигом небольшого острова на восточном побережье Адриатики. По всей видимости, его личные качества сыграли немаловажную роль и в его дальнейшем продвижении по служебной лестнице. Вероятно, именно такой человек был необходим императору в сложной внешнеполитической ситуации на северных границах империи, когда Византии пришлось налаживать дипломатические отношения с Хазарским каганатом и Русью. И перевод Михаила Херсонита в Таврику в Херсон, похоже на то, не следует связывать с вероятной опалой знатного вельможи и назначением в захудалый гарнизон. Скорее наоборот, надо думать, этим актом император стремился показать особую заинтересованность в этой провинции. И то, что должность стратига получил, не взирая на существовавшие правила, выходец из Херсона, на наш взгляд не только свидетельствует о личной расположенности и особом доверии императора к знатному херсониту, но и позволяет в несколько ином аспекте рассматривать свидетельство Константина Багрянородного о назначении херсонских стратигов исключительно не из местной знати (1, p. 184[41-54]; 3, p. 73). По всей вероятности, к концу X в. это правило имело свои исключения. И назначения на должность стратига в Херсон производились и из представителей местной родовой знати, или же, по крайней мере, из особо отличившихся херсонитов, несших службу при дворе императора, что в принципе не меняет сути дела. Именно об этом, как нам представляется, в первую очередь и свидетельствуют печати представителей родов Херсонитов и Цулы. Появление же чиновника столь высокого ранга во главе византийской администрации Херсона в период начавшегося кризиса феодального строя дает все основания полагать и об очевидном изменении места и роли этого византийского форпоста в системе имперского провинциального управления в Северном Причерноморье, и об имевших место перемещения высокопоставленных придворных чиновников с целью укрепления государственной власти на местах во второй половине X – начале XI вв. Думается, что для Херсона актуальны оба эти положения. На-

ходясь в центре хазаро-византийских и русско-византийских отношений, испытывавший постоянную угрозу враждебно настроенных соседей (1, р. 48[26-26], 64[3-10]; 19, с. 37, 59-83; 21, с. 91; 30, р. 117[21-23]), Херсон в любой момент мог быть захвачен врагом и оказаться по другую сторону границы, что в известной мере не могло устраивать византийских императоров. Потеря северных пограничных территорий очень многое значила бы для Византии. Поэтому, центральная власть всячески старалась упрочить свое положение в этом стратегически важном регионе. И как показывают памятники сфрагистики, с середины X в. даже наблюдается, на наш взгляд, в определенной степени повышение статуса херсонских стратигов. Отдельные из них удостоиваются чести стать офицерами императорской гвардии, что на печатях этого периода отражено в ранге императорского протоспафария ἐπί τοῦ Χρυσοτριχλίνου (6, №№ 48-50, 53, 53а; 7, пп. 82.11, 82.16; 18, р. 144-145, п. 7). А в конце X – середине XI столетия – по крайней мере два из них – уже принадлежат к сановникам высшего ранга – патрикиям (Михаил Херсонит и Лев Алиат). Судя по дошедшим до нас сведениям, стратигами в Херсон назначались как правило члены знаменитых византийских семейств, таких как Дуки, Каматиры, Катафлороны, Алиаты, Иаситы, Кафары и Протевоны. Несмотря на то, что лянжи этих семейств занимали различное положение в иерархии византийской знати (14, с. 88-101), очевидно, уже само назначение членов этих родов стратигами в далекую северную провинцию говорит о высокой значимости Херсона для империи. Появление среди стратигов представителей малоизвестных фамилий (Вога, Цула, Катасах, Кфарос, Херсонит), не учтенных в иерархической лестнице, по всей видимости, как раз таки и отражает наметившуюся в конце X в. тенденцию к отходу от сложившихся правил и назначении на этот пост выходцев из местной служилой знати. Повышенный интерес к Херсону со стороны византийского двора в этот период несомненен. Видимо, к концу X в. резко возрастает его роль как центра дипломатических миссий Византии в Северном Причерноморье. Напомним участие херсонитов в посольствах на Русь и особых статьях о Херсоне практически в каждом договоре с русскими князьями (19, с.37, 52; 20а, с. 50-51,73; 20б, с. 248; 20в, с. 39,61; 20г, с. 281,291; 21, с. 36-37). Возможно, именно этому обстоятельству мы обязаны назначением Михаила Херсонита, имевшего незаурядные дипломатические способности, в родной город, где ему предстояло отстаивать и защищать интересы византийского государства.

Вместе с тем в Византийской Табели о рангах за херсонским стратигом прочно закрепилось невысокое место в списке стратигов фем. Однако, если в "Тактиконе Бенешевича" (934-944 гг.) он занимает предпоследнее 31 место (22, s. 246,247), то в "Эскуриальном Тактиконе" (971-975 гг.) уже 44 из 86 (22, s. 266,267), а отнюдь не 9 место как это утверждает И.А.Баранов, очевидно, пропустивший при подсчете целую страницу списка стратигов предшествующих херсонскому (23, с. 143). Между тем значительное понижение Херсона в списке значимости фем, по всей видимости, не означало падение его рейтинга для империи, а скорее всего было вызвано большим количеством перечисленных в Тактиконе мелких фем, многие из которых возникали при разделе более крупных, но за ними в силу традиции сохранялись привилегированные места в начале списка. Напротив, по-видимому, следует говорить о повышенном внимании к городу со стороны византийской администрации. Назначение в эту далекую провинцию сановников первого класса казалось бы говорит само за себя. Конечно, не следует сбрасывать со счетов и то, что император мог попро-

сту удалить от двора попавшего в опалу высокопоставленного вельможу, назначив его стратигом в один из далеких провинциальных гарнизонов. Но в данном случае нам представляется это маловероятным. И коль скоро такие случаи в сравнительно короткий промежуток времени в Херсоне отмечены как минимум дважды, то в этих назначениях, пожалуй, следует видеть некую закономерность, чем эпизодическую случайность. Скорее всего, византийская государственная власть, реально оценивая свои возможности по осуществлению контроля над провинцией и учитывая тенденции Херсона к независимости, предпринимает вполне разумный шаг по укреплению своей власти в Таврике. Номинально сохранив в конце X в. деятельность городского управления в лице муниципальных чиновников: куратора города (πατὴρ τῆς πόλεως), экдика (ἐκδικητός) и протевоноров (πρωτεύοντες) она, по-видимому, практически полностью подчиняет их фемной администрации во главе со стратигом (См.: 24, с. 167-168), отдельные из которых как мы видим принадлежали к местной аристократии и пользовались заслуженным авторитетом при дворе. Присутствие на моливдовулах городской верхушки высоких титулов и чинов византийских вельмож X-XI вв., вполне соответствовавших рангу руководителей фемной администрации (7, р. 186, п. 82.10; 25, с. 94,95; 24, №№ 14,15), безусловно является признаком создавшегося компромиссного варианта с сохранением своеобразной структуры управления Херсоном и, вероятно, всей провинцией в целом. В этой связи трудно согласиться с мнением И.А.Баранова что "с ослаблением института военно-административного управления гражданско-административные функции с контролем над городской обороной переходят к муниципальному самоуправлению, которое с XI в. играет в Херсоне ведущую роль" (23, с. 143). Начавшийся в конце X в. кризис фемного строя (26, с. 67-78) по всем признакам не сразу коснулся Херсона. Безусловно, корсунский поход князя Владимира (988 г.) и связанные с ним тяготы и лишения не могли не отразиться на жизни города и его жителей. Вместе с тем возвращение города Византии и обещание привилегированного положения и долгожданных свобод ни в коей мере не могло быть связано с каким бы то ни было ослаблением власти стратигов и возможным изменением в административном управлении Херсона. К сожалению, отсутствие источников не дает нам возможности более точно определить время исполнения обязанностей стратига в Херсоне Михаилом Херсонитом. Но как нам представляется, это были хронологически близкие события и в назначении в Херсон стратигом одного из представителей имперского патрициата скорее всего следует видеть свидетельство особого внимания к городу со стороны центральной власти и стремлении упрочить ее положение в регионе. И как справедливо было отмечено Н.М.Богдановой, сложившееся ранее представление о том, что Херсон в этот период был предан забвению императорами и брошен на произвол местных жителей, не имеет под собой реальной почвы (8, с. 93,94). Уже отмечалось, что даже члены муниципального совета Херсона не были обойдены вниманием императоров и в это время получают высокие византийские придворные титулы. Очевидно, уже нет оснований говорить и о возрождении в Херсоне в конце X в. некой муниципальной организации (6, с. 116; 25, с. 94-102; 27, с. 209). Находки моливдовулов куратора полиса, экдика и протевоноров, имевших имперские чины, свидетельствуют о продолжении существования в Херсоне традиций городского самоуправления, восходящих еще к античной эпохе, на всем протяжении существования здесь фемы, что в свою очередь подтверждает ранее высказанное предположение

Н.М.Богдановой (8, с. 91, 102). С той лишь разницей, что мы рассматриваем чиновников городских властей Херсона фемного периода и как муниципальных, и как имперских служащих (24). Именно в этом, по-видимому, заключалась особенность положения Херсона, когда город номинально как бы управлялся городским Советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства. Такое положение городского управления мы находим еще в Законодательных актах Юстиниана (28, пов. XV, ep. I., а.535; пов. СХХVIII, 16), из которых оно, по всей видимости, пришло в Херсон и сохранилось вплоть до конца X столетия. Аналогичной пример политики византийских императоров приводят документы другого провинциального центра империи – Равенны, в котором члены городской верхушки избирались местной знатью, но утверждались центральной властью (29, s. 93 sq., 103 sq.). В этой связи, как видно, не следует рассматривать "появление стратигов из местных как аномалию, которая, – по мнению И.В.Соколовой, – могла возникнуть при чрезвычайных обстоятельствах, когда произошла смена управления городом и власть попала в руки жителей Херсона" (8, с. 105,118; 6, с. 116; 31, с. 72-73). И, возможно, восстание херсонитов в 1016 г. в первую очередь было направлено против политики центральной администрации в отношении города, который вместо ожидаемых привилегий после похода князя Владимира наоборот получил усиление административного и, весьма может быть, фискального гнета Константинополя (8, с. 119). Такое положение дел естественно не могло не затрагивать интересы местных аристократических кругов, среди которых особо выделялось семейство Цулы, возглавившее восставших. Находки последних лет существенно пополнили сведения об этом крымском роде. Появление печатей Феофилактоса, Игнатия, Михаила и Георгия Цул, являвшихся крупными военачальниками или, весьма вероятно, чиновниками высокого ранга, свидетельствуют о том, что представители этого рода играли заметную роль в византийской администрации и местных органах власти Херсона, а, возможно, и всех византийских владений в Таврике во второй половине X – середине XI вв. (32, с. 81-87). До появления моливдовулов Михаила Херсонита Цула (Τζούλα) был единственным местным патронимом, причем известным не только по памятникам сфрагистики и письменным источникам X-XI вв. Сохранилась надпись 1503 г., где Цула назван восставителем крепости Мангуп (33, с. 31-33; 34, с. 9-14). Однако восстание было подавлено и порядок был, очевидно, восстановлен. Херсону, надо полагать, были все-таки дарованы определенные привилегии. Именно к этому периоду относится возобновление, прекратившегося в связи с захватом города князем Владимиром, выпуска собственной монеты (35, с. 123, 128). И по крайней мере в первой половине XI столетия Херсон все еще считается центром византийских владений в Северном Причерноморье. А в присоединении к нему Сугдеи, вероятно, можно усматривать расширение подвластной ему территории на восток Таврики, и определенное усиление позиций Византии, а соответственно и его собственного положения. Источники свидетельствуют, что и к концу столетия Херсон остается верным защитником интересов империи и, как в былые времена, является местом ссылки неугодных императору особ и даже открытых бунтовщиков и претендентов на престол (36, X.2, s. 191 [16-19]; 37, с. 56-73).

Табл. 1. Византийские моливдовулы: 1 – Георгия Цулы, императорского протоспафария и стратига Херсона (начало XI в.); 2-3 – Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона (конец X в.); 4 – Михаила Херсонита, патрикия (вторая половина X в.).

Как показывает анализ данных моливдовулов херсонской родовой знати X-XI вв., на всем протяжении рассматриваемого периода деятельность местной администрации находилась под постоянным контролем государственной власти и перестраивалась в соответствии с какими бы то ни было изменениями ситуации в регионе. Стремление любыми путями сохранить контроль над северными областями в своих руках, видимо, вынудило византийское правительство искать новые пути в решении старой проблемы: традиционного стремления Херсона к самостоятельности. И судя по всему это нашло отражение и в изменении кадровой политики в управлении провинцией, и в раздаче высоких придворных чинов представителям местной администрации, и в сохранении вплоть до XI в. элементов городского самоуправления. Тем самым Византия, должно быть, осуществила компромиссный вариант решения всех острых вопросов, подчеркивая права на подвластную ей территорию и, одновременно с этим, отмечая определенную значимость местного управления (τὸ πολιτεύμα) Херсона, ведущую роль в котором играли представители городского патрициата такие как Калокир (3, р. 176-177, 288,295; 21, с. 36-37, 43-45, 121; 38, s. 513, 522-523, 527), Михаил Херсонит, члены семейства Цулы и другие пока еще неизвестные аристократы Херсона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. Gy.Moravcsik, trans. by J.Jenkins. Washington, 1967.
2. Nicholas I, patriarch of Constantinople. Letters. Ed., trans. by R.Jenkins, L.Westerink. Washington, 1973.
3. Joannis Scylitzae. Synopsis Historiarum. Ed. I.Thum // CFHB. 1973. Vol.5.
4. Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae opera. Bonnae, 1839. Vol.2.
5. Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1895. Т.2.
6. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград, 1983.
7. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol.1.
8. Богданова Н.М. Херсон в X-XI вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Москва, 1991.
9. Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. №1.
10. Alexeenko N.A. Unique find of the group of Byzantine lead Seals from Cherson // Byzantium. Identity, Image, Influence. Copenhagen, 1996.
11. Юргевич В. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // ЗООИД. Одесса, 1886. Т.14.
12. Толстой И.И. О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. СПб., 1887. Т.II.
13. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine lead Seals. Washington, 1986.
14. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI-XII вв. М., 1974.
15. Κωνσταντοπούλος Κ.Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις, Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. Ἀθήναις, 1917.
16. Лихачев Н.П. Моливдовулы Греческого Востока//Научное наследство. М., 1991. Т.19.
17. Liudprands von Cremona. Die Werke / Herausgegeben von J.Becker. Hannover; Leipzig, 1915.
18. Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington, 1995. Т.4.
19. Повесть временных лет (текст и перевод). М.-Л., 1950. Ч.1.
20. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1 – 20а; Т.2 – 20б; Т.5 – 20в; Т.8 – 20г.
21. Лев Диакон. История. М., 1988.
22. Oikonomides N. Les listes preseance Byzantines des IX et X siècle. Paris, 1972.
23. Баранов И.А. Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып.III.

24. Алексеевко Н.А. Моливдовулы представителей городских властей Херсона // МАИЭТ. 1997. Вып.V..
25. Соколова И.В. О так называемой печати протевона Михаила // ВИД. 1991. Т.ХХШ.
26. Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin au IX-XI siècles. Athenes-Paris, 1960.
27. Соколова И.В. Администрация Херсона в IX-XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Т.10.
28. Corpus Juris civilis. Novellae Justiniani. Ed. R.Schoell et G.I.Kroll. Berolini, 1906. Т.III.
29. Dichl Ch. Etudés sur l'administration Byzantine dans l'eksarhat de Ravenne. Paris, 1888. Т.II.
30. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca-London, 1982.
31. Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // ПС. 1971. Т.23.
32. Алексеевко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности. Харьков, 1995. Т.2.
33. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году // ИАК. 1902. Т.3.
34. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангула // ИГАИМК. Л., 1933. Т.71.
35. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XII в. н.э.). Киев, 1977.
36. Anne Comnene Alexiade. Trad. par V.Leib. Paris, 1943. Т.II.
37. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
38. Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum. Libri XVIII. Bonnae, 1897. Т.III(50).

ALEKSEENKO N. A.

CHERSON PATRIMONIAL NOBILITY IN THE X – XI CENTURIES IN THE MONUMENTS OF SPHRAGISTICS

Summary

The research of the complex of seals from presumably Cherson archive allowed to reveal 4 molivdovuls, which belonged to the representatives of Byzantine administration of Cherson and bore the patrimonial names of their owners. The new finds, as the already known seals of Cherson nobility, also belong to strateguses. The owner of one of the bulls was Proto-spapharius George Tzula, well known in Byzantine sources in connection with the uprising of Chersonites in 1016. His seal is dated back to the period close to these events.

The three other molivdovuls are of particular interest. They are not only unique unknown monuments in Byzantine sphragistics, but they also have the particularly important information and represent that rare possibility when the owner of the seal can be identified with the real official. All the three seals belonged to patrikios Michail Chersonite; bishop Liutprand of Cremona, who visited the capital of Byzantium with ambassadorial mission in 968, gives some data about him. Most likely, the seals of Michail Chersonite should be dated back to the last quarter of the 10th century.

The new finds of bulls belonging to the representatives of Cherson aristocratic society allow not only consider the testimony of Constantine Porphirogenitus about the appointment of Cherson strateguses not from the local nobility, but give possibility to suppose that the change of place and role of this Byzantine outpost in the system of imperial provincial government in the Northern Black Sea Coast in the second half of the 10th – the beginning of the 11th centuries.